

Власенко Николай Александрович,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации,
профессор кафедры теории права и государства
Юридического института Российского университета
дружбы народов

О кризисе современной правовой науки

О кризисе современной правовой надстройки, в том числе в юридической науке, выступающему уже приходилось отмечать¹. Многие авторы с этим согласились, другие (например, В. М. Баранов) — нет. Между тем Ю. А. Тихомиров в монографии выступает с категорическим заявлением: «Резко ослабла общая теория права, отраслевые юридические науки развиваются подчас хаотично и узкоситуационно». И далее: «...Поэтому назрела необходимость нового поворота российской правовой традиции и, соответственно, правопонимания, правосознания, правотворчества и правоприменения»². Одно из проявлений кризисных моментов в науке права видится в качестве исследований, их продуманности, выверенности с позиции философии, теории познания как мерил, если так можно выразиться, достаточности и истинности суждений. Изначальная проблема, которая беспокоит, — уровень, обоснованность и фундаментальность научных достижений. Прежде речь идет о качестве диссертаций, причем как кандидатских, так и докторских. Сформулированные положения, выносимые на защиту, часто неновы, недоказательны, технически не поданы и не отточены. Конечно, в последние годы после реформирования диссоветов, введения критериев «оригинальность», «степень заимствования», совершенствования номенклатуры научных специальностей и другого многие показатели улучшились.

Однако сказать, что данный кризис преодолен полностью, пока нельзя. В первом приближении видятся следующие тенденции, так или иначе не способствующие развитию юридической науки: *наполнение системы знаний необоснованными и бездоказательными идеями и конструкциями, удвоение терминологии, обоснование метафор и метафорических сравнений как научных категорий, а также так называемая философская вольность*, или попросту игнорирование принципов и требований научного познания, и, наконец, прямое или скрытое заимствование чужих идей и положений. Все это так или иначе приводит к появлению антинаучных тенденций и закономерностей.

Одной из тенденций антиинновационных «новаций» является появление *бездоказательных* или *слабо аргументированных* знаний. В большинстве случаев такие «знания» подкрепляются примерами и фактами, не обладающими *качеством* подтверждения тезиса или идеи; нередко они и подобраны тенденциозно. Принципы объективности научного познания требуют такого плана ложность и необоснованность опровергать. Известно, что само по себе опровержение есть логическая операция установления ложности или необоснованности выдвинутого тезиса посредством таких приемов, как опровержение фактами, антитезис, выявление несостоятельности демонстрацией³. Здесь заметим следующее. Юридическая наука по характеру и природе — социальная, и выдвигаемые положения в большинстве случаев требуют подкрепления аргументами, фактами. Некоторые авторы стремятся привести их как можно больше, полагая, что это придаст убедительность идее. Здесь на помощь приходит такой логический прием, как выявление несостоятельности идеи с помощью демонстрации. Этот способ показывает ошибки в системе доказывания. Речь идет о подборе аргументов, из которых истинность опровергаемого тезиса не вытекает. Известный специалист по формальной логике А. Д. Гетманова отмечает: «Обнаружив ошибки в ходе демонстрации, мы опровергаем ее ход, но не опровергаем сам тезис»⁴. Таким образом, тезис или идея в юридической науке могут и «жить», но без научного обоснования.

¹ См.: Власенко Н. А. Кризис права: проблемы и подходы к решению // Журнал российского права. 2013. № 8; Власенко Н. А. О кризисных тенденциях в праве // Юридическая техника: Ежегодник. 2014. № 8; Власенко Н. А. Разумность и определенность в правовом регулировании. Москва, 2015. С. 35–37; Современное российское государство. Очерки. Москва, 2022. С. 20–34; и др.

² Тихомиров Ю. А. Право: традиции и новые повороты. Москва, 2021. С. 12.

³ Подробнее: Гетманова А. Д. Учебник по логике. Москва, 1994. С. 185; с. 186–187.

⁴ Гетманова А. Д. Указ. Соч. С. 187; см. также: Ивин А. А. Современная логика. Москва, 2009. С. 173–175.

Приведем пример. Н. В. Путило поставила задачу поиска критериев социального государства и привела немало точек зрения по этой проблеме, сожалея, что ни одну позицию нельзя признать истинной, и предложила одиннадцать «формально-юридических критериев социального государства». Прежде всего, смущает подход: правомерно ли вообще ставить вопрос о юридических критериях социального государства? Иначе говоря, могут ли формулируемые государственно-юридические нормы быть критерием оценок этой силы? Дело в том, что социальных ориентиров и ценностей в формально-правовой основе государства может быть заложено немало. В модернизированной Конституции Российской Федерации 2020 года их стало еще больше. Но является ли это средством измерения социальности государства? Получается некая игра: государство, называя себя социальным пусть даже посредством обсуждения и голосования, прописывает это качество в собственных нормативных правовых документах, убеждая население в этом не сомневаться. Что-то напоминает сталинскую Конституцию СССР 1936 года, в которой с точки зрения логики и юридической техники все было выписано безукоризненно, но в жизни представляло собой фикцию. Да и формально-юридические критерии, предложенные Н. В. Путило, не убеждают, например, закрепление принципа социального государства в Конституции, отражение в Основном законе социальных прав, состояние социального законодательства и др. Нового подхода у автора не получилось¹. Здесь и срабатывает логика опровержения: продемонстрированные автором критерии не работают, не убеждают в том, что они есть реальные показатели социальности государства, факты не подтверждают идею.

Одна из вредных тенденций в современной теории права — *удвоение терминологии*, ибо это необоснованно засоряет терминологический арсенал науки. Нередко это связано с употреблением метафор, на что обращалось внимание в юридической науке². Например, совершенно несостоятельна попытка обоснования такой научной категории, как «правовое поле». Это не что иное, как метафора, и, анализируя доводы авторов, становится понятным, что речь идет о предмете правового регулирования. Таких примеров можно привести немало.

Более того, удвоение понятийного аппарата проникает и в сферу диссертационных исследований. Так, в 2017 году И. Б. Тарасевичем была защищена кандидатская диссертация «Адекватность языка закона». Возникает вопрос: что понимать под адекватностью языка закона? Теории юридической техники известны такие требования к законодательству, как ясность и точность его текста. В середине 90-х годов мною обосновывалась идея точности выражения формы права³. В чем же самостоятельность «категории адекватность языка закона»? Читаю автореферат. В самом начале раздела «Научная новизна» автор заявляет следующее: «Диссертация является первым теоретико-правовым исследованием, в котором проблема адекватности языка закона рассматривается как самостоятельная, не совпадающая с проблемой его качества»⁴. Трудно объяснить позицию автора. По его мысли, адекватность языка необходима, и это красная линия диссертационного исследования, но с качеством текста нормативного правового акта она, оказывается, никак не связана.

Обратим внимание на объект и предмет исследования. Здесь также много, мягко говоря, неясностей и вопросов. Под объектом исследования ученый видит «многообразие языковых форм и способов конструирования и выражения законов...». «Предметом исследования, — утверждает автор, — являются корреляции признаков адекватности языка закона с наиболее эффективными технико-юридическими, организационными и идеологическими средствами ее достижения, применяемыми в разных сферах действия права»⁵. В связи со сказанным отметим. Языковые формы (средства) выражения права были предметом многочисленных работ теоретиков права, достаточно вспомнить такие имена, как А. А. Ушаков, А. С. Пиголкин и др. Под предметом, как можно понять из приведенной цитаты, соискателю видится адекватное выражение мысли нормоустановителя, с помощью которого можно достигнуть максимального эффекта его действия. Мысль не нова — у нее многовековое прошлое.

¹ См.: Путило Н. В. Юридические критерии социального государства: новые подходы. Журнал российского права. 2016. № 10. С 15–25.

² См.: Власенко Н. А. Риск как правовое понятие и как метафора // Юридическая техника: Ежегодник. 2019. № 13. С. 136–141; Власенко Н. А., Баранов В. М. Метафоры в праве: методологическая опасность и перспективы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 1. С. 11–18.

³ См.: Власенко Н. А. Проблемы точности выражения формы права (лингво-логический анализ): дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург. 1997. 70 с.

⁴ Тарасевич И. Б. Адекватность языка закона: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2017. С. 9.

⁵ Там же. С. 6.

Словом, адекватность языка закона как самостоятельный термин не выдерживает критики. Термины «точность языка закона», «точность выражения формы права» давно и прочно вошли в юридическую науку и в дублере не нуждаются. Сама диссертация есть некая калька известных положений теории права.

О философских вольностях как «новациях» в современном правоведении. Философия утверждает, что категория — это «...предельно широкое понятие, в котором отображены наиболее общие существенные свойства, признаки, связи и отношения предметов, явлений объективного мира»¹. Иногда философы утверждают, что категория — предельно общие, фундаментальные понятия².

«Каждая наука, — констатирует Н. И. Кондаков, — имеет систему своих категорий»³. В правоведении такую попытку в 1976 году осуществил А. М. Васильев⁴. С тех пор прошло немало времени, и, несомненно, современная юридическая наука давно нуждается в аргументированном фундаментальном исследовании в этой области.

Если философию считать методологической основой, базой познания действительности социальными науками, в том числе юридической, то ученый, по крайней мере, должен придерживаться ее рекомендаций. Сказанное — вещь очевидная, но приходится об этом напоминать. В связи со сказанным правоведению необходимо решить следующие вопросы:

— насколько ученые-правоведы свободны, когда философские категории без всяких оговорок и осмотрительности называют правовыми? Нет сомнения, что речь идет о наполнении юридическим содержанием философских понятий. Однако легкость переодевания правовой материи в философские категориистораживает, например, вопрос о парности категорий «определенность» и «неопределенность» в философских и иных науках до сих пор не решен и практически никто из философов данные категории парными не называет. В юридической науке так называемая «философская нерешенность» часто игнорируется⁵;

— допустимо ли практически любое исследуемое явление и сформулированное понятие называть категорией? С. Ю. Суменков провел интересное и полезное изучение исключений в праве, при этом «правила и исключения» достаточно вольно охарактеризовал «как парные юридические категории»⁶.

Парность явлений в праве и «резкое» появление парных правовых категорий в настоящее время нужно отметить специально. Парность явлений замечена давно, пожалуй, со времен Платона. О присущей праву и праворегулированию парности отмечает А. Ф. Черданцев⁷. Уже упомянутый А. М. Васильев поставил проблему парных категорий в правоведении⁸. В. В. Нырков провел специальное исследование по данной проблеме и сформулировал следующее определение: «Парные юридические категории есть такая логическая форма (особая пара понятий), которая имеет целью отразить в общей теории объективное единство и взаимодействие двух противоположных явлений, тенденций, свойств правовой жизни характеризуется специальным алгоритмом, основанным на логико-философских знаниях своего теоретического рассмотрения»⁹. В этой дефиниции смущает так называемая «правовая жизнь», по существу отрицающая парность. Если явления, выраженные в правоведении в форме категорий, имеют общую правовую природу, то вправе ли мы формулировать вопрос об их взаимоисключаемости, полярности и изолированности? Эти требования познавательной методологии в данном случае не выполнимы. Возможно, А. М. Васильева именно это останавливало, и он лишь поставил проблему парных категорий в праве.

Сомнение в существовании парных категорий в праве я выражал и ранее¹⁰, но сейчас все больше убеждаюсь в своей правоте. На мой взгляд, происходит подмена понятий: парность, существующая

¹ Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. Москва, 1976. С. 240.

² См.: Философский энциклопедический словарь / под ред. А. М. Прохорова. Москва, 1983. С. 251.

³ Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. Москва, 1976. С. 241.

⁴ См.: Васильев А. М. Правовые категории. Москва, 1976. В сфере правовой политики интерес представляет книга А. С. Автономова. Правовая онтология политики. К построению системы категорий. Москва, 1999.

⁵ См.: например, название научной конференции «Определенность и неопределенность права как парные категории: проблемы теории и практики» говорит само за себя. См.: материалы XII международной научно-практической конференции 17–21 апреля 2017 года. Москва, 2018.

⁶ См.: Суменков С. Ю. Исключения в праве. Москва, 2016. С. 84–101.

⁷ См.: Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции. Москва, 2012. С. 272.

⁸ См.: Васильев А. М. Правовые категории. С. 238–262.

⁹ Нырков В. В. Парные юридические категории: логико-философские основания и перспективы разработки // Современные методы исследования в правоведении / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. Саратов, 2007. С. 193–194.

¹⁰ Власенко Н. А. Проблемы правовой неопределенности. Москва, 2015. С. 18.

в праве, часто подменяется сопоставлением юридических категорий. В юридической науке *за парные правовые категории* часто *выдают явление парности*. Парных правовых категорий в правоведении нет и быть не может — однородность и определенность такого явления как право это исключают.

Д. Е. Петров дифференциацию и интеграцию юридических норм называет парными категориями¹. Тенденции дифференциации и интеграции есть общее свойство материи, в том числе социальных правил и их разновидности — юридических, и с этих позиций собственными категориями права рассматриваться не могут. Это — подмена понятий.

О роли *метафор* в юридической науке, их методологической опасности. Подчеркну, с одной стороны, метафоры в правовой науке есть средство наглядности и образности; с другой — представляют собой опасность в случае их понимания как истины. Однако неверным будет полагать, что «метафорические» диссертации в юридической науке не нужны. Совершенно нет. Интересным в этом плане является исследование А. А. Васильевой «Международно-правовые последствия исчезновения территорий государств»², где речь идет о погружении части территории под воду. Здесь метафора «исчезновение территории» по существу выполняет функцию юридической категории. Аналогичное можно сказать об устоявшемся метафорическом высказывании «автоматические санкции»³. Эти примеры можно продолжить. Однако можно сказать о том, что попытка обосновать метафоры как правовые категории продолжается, иногда и с привлечением оценочных понятий. Например, А. В. Одинокова защитила кандидатскую диссертацию на тему «Повышенная юридическая ответственность специального субъекта» (Н. Новгород, 2020). Однако в теории права с давних времен для решения проблемы справедливости юридической ответственности используется такое понятие, как «соразмерность»⁴.

Далее следует сказать о *заимствованиях*. В 80-е годы XX века я защитил кандидатскую диссертацию на тему «Коллизионные нормы в советском праве» (Свердловск, 1982). Будучи аспирантом, работал страстно, много, тщательно. Спустя какое-то время в свет вышло энциклопедическое юридическое издание, в которое были включены понятия «коллизия норм», «коллизионная норма» и др. Дефиниции к этим понятиям практически заимствованы из моей работы. Рассмотрены были и виды коллизий, причем в той же последовательности, в какой они были изложены в диссертации. Тогда я не то чтобы расстроился, а скорее загордился. «Ну вот, — подумал я, — и мой, пусть крохотный, но вклад в науку». Подчеркну, изложенные в автореферате положения были полностью отражены в популярном издании как устоявшиеся в науке, но без ссылки на источник заимствования, а это главное в научной деятельности.

Спустя какое-то время, будучи уже доцентом и достаточно опытным исследователем, в журнале «Советское государство и право» я опубликовал статью «Личность и социалистическое правовое государство: принципы взаимоотношений» (1990, № 12). Эту статью и сейчас нередко упоминают в ссылках те или иные авторы. Позднее в этом же журнале появился обзор выступлений на научном форуме. Один из молодых авторов, сын известного профессора, в своем докладе воспроизвел достаточно объемные куски из моей статьи. Я возмутился и направил в журнал письмо, где указал, что взято и в каком объеме. Журнал, в то время центр сосредоточения научной юридической мысли, отмолчался. Я получил лишь письмо с извинениями от аспиранта, составившего этот обзор, где указывалось, что материал подготовлен на основе информации, которую ей представили выступающие на форуме. Теперь, спустя много лет, меня волнует не то, что тревожило в молодости: как можно просто воспользоваться чужим трудом? Сейчас думаю о другом: об отношении редакции к факту плагиата: никто не позвонил, не извинился.

Как бы мы не сетовали на наше настоящее, сейчас в полной мере такое представить трудно. Всецело заработал институт ретрагирования. Статьи автора, уличенного в серьезных заимствованиях, как правило, больше не публикуются. В любом случае лояльное отношение к плагиату во многом и порождает практику списывания.

¹ См.: Петров Д. Е. Дифференциация и интеграция структурных образований системы российского права. Саратов, 2015. С. 99.

² См.: Васильева А. А. Международно-правовые последствия исчезновения территорий государств: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2018.

³ См.: Васильев П. В. Автоматические санкции в российском праве (теория, практика, техника): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2014.

⁴ См. подробнее: Бажанов А. А. Соразмерность как принцип права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2019.

В теории права время от времени появляются новые положения. В начале они нередко активно подхватываются и разрабатываются представителями отраслевых наук. Наступает момент, и теоретическая идея, что называется, пошла в жизнь, то есть она наполняется отраслевым содержанием. Конечно, бывает и другой путь развития идей, противоположный: отраслевые предлагают, теория права обобщает. Например, такое случилось с категорией «правовые позиции», первоначально прозвучавшей в науке конституционного права (Н. В. Витрук и др.). В чем здесь проблема? И о чем приходится сожалеть? Скажем, автор издает книгу, защищает диссертацию и т. д. Однако качество трансформации идей теории права иногда настолько слабое, а иногда просто халтурное, но важно то, что такое «произведение» фактически ставит преграду последующим исследованиям. Нередко приходится слышать о том, что тот или иной молодой ученый взялся бы за ту или иную проблему как диссертационную, но по проблематике уже защищена диссертация (хотя *уровень* ее крайне слабый), и это, что называется, отпугивает. В результате творческая отраслевая апробация теоретических новелл затягивается на многие и многие годы. Обратимся к свежему примеру.

Без печального, где-то горького юмора нельзя читать работу М. В. Сидоренко, которая решила на докторском уровне обогатить проблематику определенности и неопределенности в праве посредством уголовно-процессуальной материи¹. Обратимся к автореферату. В пункте 1 положений, выносимых на защиту, автор заявляет, что под принципом правовой определенности следует понимать «...самостоятельную, фундаментальную, общеправовую идею мировоззренческого характера»², между тем в юридической науке правовая определенность с позиции общетеоретического понимания охарактеризована уже достаточно давно как многостороннее явление, причем с позиций разных методологических подходов³. Более того, в 2018 году в двух томах издан сборник материалов международной научно-практической конференции, где опубликована статья Л. А. Морозовой «Правовая определенность как общеправовой универсальный принцип», в которой дана такого плана характеристика правовому феномену⁴. Об этом сборнике уже шла речь. Можно идти еще дальше. В книге И. С. Дикарева «Принцип правовой определенности и законная сила судебного решения в уголовном процессе» изложены характеристики правовой определенности: это и «общепризнанный принцип международного права», и «элемент обеспечения стабильности правоприменительных решений», и «состояние (режим) в обществе»⁵. Итак, встает вопрос: что защищает автор в данном пункте, если правовая определенность как правовой принцип охарактеризован в общетеоретической и специальной, подчеркнем, уголовно-процессуальной литературе?

Скажу также следующее. Не так давно, желая детально проанализировать, насколько за последние десятилетия продвинулась теория коллизионного права, я сделал подборку авторефератов кандидатских диссертаций по проблеме коллизий юридических норм. Их свыше двадцати. Часть авторефератов представляют исследования проблемы в отраслевых науках. Вот лишь несколько примеров, когда в течение десятилетий защищаются одни и те же положения, давно сформулированные в науке.

В кандидатской диссертации, а затем в монографии я исследовал понятие коллизии норм права и пришел к достаточно простому выводу, что это отношение между нормами, выступающее в форме различия или противоречия при регулировании одного фактического обстоятельства⁶. В существующей на тот момент литературе коллизию норм определяли как противоречие. Я постарался обосновать, что противоречивость норм — это случаи взаимоисключения норм и того, что ими предписано, различие же, ситуации несовпадения положений есть, например, в санкциях.

¹ См.: Сидоренко М. В. Правовая определенность российского уголовно-процессуального права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2019.

² Там же. С. 16.

³ См., например: Власенко Н. А. Неопределенность в праве: понятие и пути исследования // Российское правосудие. 2006. № 7; Назаренко Т. Н. Неопределенность в российском праве: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2006.

⁴ См.: Определенность и неопределенность права как парные категории: проблемы теории и практики: материалы XII Международной научно-практической конференции 17–21 апреля 2017 года: в 2 т. Москва, 2018.

⁵ Дикарев И. С. Принцип правовой определенности и законная сила судебного решения в уголовном процессе. Волгоград. 2015. С. 4–5; и др.

⁶ См.: Власенко Н. А. Коллизионные нормы в советском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1982. С. 3, 5; Его же. Коллизионные нормы в советском праве (переиздание): монография. Москва, 2018. С. 23.

Хорошо помню, что В. В. Лазарев, будучи оппонентом на защите кандидатской диссертации, сказал, что различие — это тоже противоречие. По большому счету, он прав, однако предложенная мною исследовательская деталь дает возможность более всесторонне охарактеризовать явление, в том числе в практической ситуации. И вот лишь некоторые положения из отдельных авторефератов. Так, О. Н. Халак пишет: «Юридические коллизии в правовом регулировании статуса гражданина России — это различия или противоречия между правовыми предписаниями...»¹. В. Г. Карташов отмечает следующее: «Коллизии в правотворчестве (в муниципальных правовых актах — это несогласованность (противоречие или различие) правовых норм»². Думаю, поиск в этом направлении можно продолжить.

Другой момент и тоже из коллизионного права. О причинах противоречий норм писали еще задолго до моего исследования. Единственное, что я сделал, так это разделил их на объективные и субъективные, обосновывая различия³. Между тем А. И. Юдин в числе новых положений указывает: «Многообразие причин возникновения юридических коллизий следует дифференцировать на объективные и субъективные...»⁴. Пожалуй, дальше всех ушел В. В. Денисенко, отмечая, что «...научная новизна диссертации заключается в том, что соискателем проведено первое (обратите внимание. — **Н. В.**) в общей теории права системное монографическое теоретическое исследование проблем преодоления и устранения коллизий правовых актов в современной отечественной системе законодательства»⁵. Но какое же это первое монографическое исследование проблем преодоления и устранения коллизий правовых норм? А как же труды В. Н. Кудрявцева, А. А. Тилле, Л. А. Лунца, А. Ф. Черданцева и др.? Побойсь быть нескромным, но в моей монографии 1984 года есть раздел «Способы устранения и преодоления коллизий в праве»⁶. Остается только разводить руками.

Примеры тиражирования одного и того же, да еще поощряемые присуждением ученых степеней, можно продолжить. Приходится глубоко сожалеть об этом и надеяться на то, что когда-то волна поверхностных работ схлынет, и все встанет на свои места.

Время от времени приходится сталкиваться с вопиющими фактами заимствования и интеллектуального воровства. Можно много спорить о качестве методических и дидактических материалов, в том числе о заимствовании идей, структур, их удачном или менее удачном наполнении, роли и личном вкладе того или иного ученого в развитие мысли. Однако все это меркнет, когда берешь в руки книгу, да которая еще подготовлена вузовским преподавателем, имеющим ученую степень кандидата юридических наук, а подготовлена как компиляция. К такого рода изданиям относится произведение А. С. Григорьева «Юридическая техника»⁷. Десятки страниц заимствованы у других авторов, а между тем сам материал изложен во многом безграмотно, с повторами. Специалисты решили не оставлять сей факт: на основе экспертизы была подготовлена подробная рецензия⁸. К сожалению, ни автор скандальной книжки, ни рецензенты, ни заведующий кафедрой, ни руководство университета, в котором работает автор, никак не среагировали на такое событие.

Больше всего в деле плагиата тревожит молодежь, которая откровенно списывает чужие тексты, а старшее поколение этого не замечает либо «не хочет» замечать. Все это потворствует развитию института плагиата, воспитывает у молодежи возможность достичь цели без труда. Например, У. М. Умаев в 2022 году опубликовал статью в сборнике «Актуальные научные исследования в современном мире». Название статьи «Право на инсоляцию в системе прав личности (природа

¹ Халак О. Н. Юридические коллизии в правовом регулировании статуса бездомных после освобождения из мест лишения свободы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир. 2012. С. 9.

² Карташов В. Г. Правовой механизм разрешения коллизий в сфере муниципального самоуправления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2008. С. 10; см. также: Буяков А. Ю. Юридические коллизии и способы их разрешения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов. 1999. С. 7.

³ См.: Власенко Н. А. Коллизионные нормы в советском праве: монография. Иркутск, 1984. С. 23–24.

⁴ Юдин А. И. Юридические коллизии и механизм их разрешения: теоретико-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар. 2014. С. 7.

⁵ Денисенко В. В. Коллизии правовых актов и механизм их разрешения (теоретико-правовой аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург. 2004. С. 8.

⁶ Власенко Н. А. Коллизионные нормы в советском праве: монография. Иркутск, 1984. С. 29–35.

⁷ См.: Григорьев А. С. Юридическая техника. Москва: Юрайт. 2020. 183 с.

⁸ См.: Баранов В. М., Власенко Н. А., Давыдова М. Л. Осторожно — плагиат! Рецензия на учебное пособие А. С. Григорьева «Юридическая техника». Москва: Юрайт. 2020. 183 с. Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД. 2021. № 3. С. 151–155.

и содержание)» (<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50008265>). Дело в том, что вышеупомянутая публикация является полным копированием текста диссертации и некоторых научных статей старшего преподавателя РУДН, кандидата юридических наук П. Н. Андреевой, которая правом личности на инсоляцию занималась более десяти лет, опубликовала множество научных работ на данную тему¹. У. М. Умаев не цитирует и не ссылается на работы П. Н. Андреевой. Это означает, что данная публикация — откровенное воровство.

Надо отдать должное издателям сборника: после того, как был обнаружен данный факт, статью тут же ретрагировали.

В докладе я пытаюсь обратить внимание, прежде всего, на недопустимость недобросовестности и торопливости в научных изысканиях. Причем существование придуманных псевдоюридических терминов, пылкое и нередко страстное обоснование «единственно верного» методологического подхода, способного разрешить все проблемы в теории государства и права, подаются как «новый подход», «актуальная идея», «способ современного решения проблемы» и т. д. Вдобавок иногда как-то агрессивно, скажем, неакадемическими средствами. Выше я постарался показать излишнее, где-то самонадеянное обоснование тех или иных «пробивных» методологий, однако это уровень в основном кандидатских диссертаций и, следовательно, молодых ученых, которым по призванию что-то нужно доказать, и это как-то понятно, хотя науки предполагают точность и корректность мышления, между тем этим дело засорения понятийного аппарата не заканчивается. Болезнь лженаучных обоснований в современной теории права гораздо серьезнее, объемнее. И здесь еще одна немаловажная деталь — это вовлечение молодых авторов в так называемую «хоровую песню», ибо они полагают: чем больше голов, простите за некорректное выражение, тем «аргументированней» сомнительная идея или конструкция. Но здесь появился просвет, и это крайне важно для очищения современной юридической науки. Пока в теории права при первом приближении видятся два фундаментальных примера так называемого самоочищения. Первый — это статья, к сожалению, ушедшего от нас А. Ф. Черданцева «Интегративное недопонимание права»². Не менее фундаментальной в части критики, отповеди, авторской харизмы и опять же иронии является книга В. М. Баранова «Позитивная юридическая ответственность»: спорный концепт, мнимая практика, виртуальная техника³. Автор аргументировано и корректно развенчал тлеющее в теории права. Речь идет, по существу, о метафорах, которые энтузиасты тащили на пьедестал высокой науки: «позитивная юридическая ответственность», «поощрительные санкции» и пресловутая «правовая жизнь». Эта книга похоронила метафоры, которым не суждено было пробиться в юридическую науку.

Работы А. Ф. Черданцева и В. М. Баранова специфические, это специфика — в достижении здравого смысла. По большому счету они не являются исследовательскими новеллами, но такой цели авторы, как очевидно, и не ставили. Но в плане наведения порядка и чистоты в доме теории права им цены нет.

Горшенков Геннадий Николаевич,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права и процесса
Нижегородского государственного университета
имени Н. И. Лобачевского

Ретроспективный туризм в гущу уголовно-правовых событий, связанных с рождением криминологии и уголовной политики

Идея научного туризма, навеянная профессором А. В. Малько, резонирует с методологическим принципом *преемственности*. Данный принцип активизирует развитие криминологического мышления с учетом тех исторических условий (начиная с середины XVIII века), в которых юридическое учение о преступлении столкнулось с необычным осязаемым воздействием нового, «инакомыслящего» взгляда на исследуемый предмет. Новизна заключалась в том, что исследовательская

¹ См., например: Андреева П. Н. Право личности на инсоляцию. Москва, 2019.

² См.: Черданцев А. Ф. Интегративное недопонимание права // Журнал российского права. 2016. № 1.

³ См.: Баранов В. М. Позитивная юридическая ответственность: спорный концепт, мнимая критика, виртуальная техника. Москва, 2021.